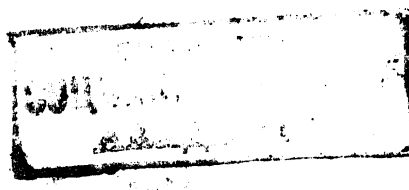
ТРЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ

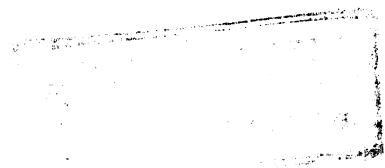
ВЪ РОЛИ ПЕЧАЛЬНИКОВЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ТРАГИКО - ВОДЕВИЛЬНАЯ СЦЕНА.

„Liberté jamais, ура toujours“
Щедринъ.

БЕРЛИНЪ 1903
Изданіе Гуго Штейница
Шарлоттенштр. 2.





„Liberté jamais, ура toujours“.
Щедринъ.

Большое зало; въ немъ около ста человѣкъ рабочихъ, между ними разсѣяны, въ выгодныхъ для наблюденія позиціяхъ, десятка два субъектовъ съ подозрительно блуждающими взорами, видимо сердцевѣдцы столичныхъ чижовокъ, стремящіеся все проникнуть и за всѣми слѣдить. — Всюду флаги желтаго цвѣта, съ надписями: „Полное спасеніе отечества въ безпредѣльной любви къ батюшкѣ царю“. „Беззаботный полный дивныхъ чрезъ сонъ рабочаго подъ сѣнью самодержавныхъ и кафолическихъ стропилъ“. „Полегонечку, да потихонечку безъ крамольныхъ думъ, утопическихъ ломокъ, бунтовъ, превратныхъ толкованій и неблагонадежныхъ затѣй“. „Участокъ и охранное отдѣленіе — чудные персты божьи, единственныя, неоспоримыя орудія всемірнаго

прогресса!“ „Тайный доносъ на превратнаго ближняго — высочайшій героическій актъ гражданской доблести“. „Конституціи съ народными говорильнями не болѣе, какъ дикія, анархическія покушенія, или безсмысленныя мечтанія, созданныя внутренними и внѣшними врагами россійскаго государства“. „Самодержавіе, истино понятое — лучшая изъ республикъ!“ и проч. и проч. На большомъ возвышеніи, на высокомъ креслѣ сидитъ представитель тайной полиціи Зубатовъ.

З у б а т о в ъ. Собраніе истинныхъ русскихъ рабочихъ, вполнѣ благонадежное, мирно, тихожелудочное мною открывается. Первое: свершимъ слезную молитву за благодѣтеля земли русской, земного бога, батюшку-царя, за весь августѣйшій домъ, съ перечисленіемъ всѣхъ именъ, а также не забудемъ помянуть явную и тайную полицію, денно и нощно, не покладая рукъ, самоотверженно пекующуюся о меньшей братіи. Что было-бы съ вами, дѣти мои, если бы участокъ, переполненный всевозможныхъ благопожеланій, не направлялъ васъ мягкими натисками, спасительными — если можно выразиться — массажами и дру-

гими крайне человѣчными мѣрами на стезю экономической сытости. Позволяю нынче задавать мнѣ вопросы, будьте вполнѣ откровенны! (бросаетъ быстрый многозначительный взоръ на соглядатовъ.)

Рабочій (съ очень выразительнымъ лицомъ, старается говорить самымъ простонароднымъ языкомъ). Извините, ваше высокородіе, соблаговолите указать намъ настоящую линію для прослѣдованія и объясните, какое шастье ждетъ насъ, если мы до скончанья жизни будемъ кричать „ура“ и безпрекословно слушаться ихъ превосходительства полицмейстера, ихъ высокородій жандармскихъ служителей, ихъ степенствъ городовыхъ, будочниковъ, дворниковъ и искаріотовъ.

Зубатовъ. Настоящая, идеально прямая линія для васъ, это — уставъ начертанный жандармскими явными и тайными служителями, скрѣпленный шефомъ охраны и московскимъ оберполицмейстеромъ. Что-же касается до перспективы истиннаго законнаго счастья, чрезъ земли обѣтованной, скажу напрямикъ, если вы безъ малѣйшей политики, безъ тѣни неблагонамѣренныхъ толкованій, нелѣпый-

дентовъ же, при самыхъ отдаленныхъ попыткахъ къ святотатственнымъ манифестаціямъ, вязать и весьма больно, чѣмъ попало, бить, то я, видный членъ тайной полиціи, Зубатовъ, даю вамъ мою полицейское слово, что черезъ сто или двѣсти лѣтъ въ вашемъ супѣ, два и даже три раза въ недѣлю будетъ фигурировать доброкачественная конина, а легко можетъ и мясо старой доброй, мягкой коровы; по воскресеньямъ вы будете ѣсть пшеничный хлѣбъ, пироги съ кислой капустой; будете спать на постеляхъ изъ бѣлаго сосноваго дерева, на матрасахъ изъ свѣжей соломы; въ случаѣ же баснословнаго развитія промышленности даже на матрасахъ изъ русской морской травы, съ береговъ Тихаго океана. Часы работы сократятся до девяти часовъ; но не обольщая васъ иллюзіями, столь вредными для рабочихъ, прибавлю, что легко можетъ быть, что послѣ нѣсколькихъ вполнѣ мирныхъ столѣтій, будущій самодержецъ-батюшка внявъ слезнымъ мольбамъ, повелитъ вамъ работать и восемь часовъ; но энергично, слышите ли? энергично!! Забылъ главное: къ шихъ утопическихъ разсужденій будете вполъ

нѣ во всемъ слушаться насъ, при этомъ денно и нощно будете слѣдить другъ за другомъ, и при первомъ не только шатаньи, но и плесканьи мысли тотчасъ же доносить, стутому же времени будетъ готовъ проэктъ національнаго застрахованья, и вы, по миованьи семидесяти лѣтняго возраста, будете до скончанья жизни получать въ годъ двадцать четыре рубля съ копѣйками; рабочій, въ продолженіи всего рабочаго періода, отступившій свыше трехъ разъ отъ самодержавія, получитъ шишъ! Простите за шутку: въ нашей жандармской средѣ царятъ веселье, каламбуры, шутки!

Рабочій. А на счетъ умственности, ваше высокородіе, если примѣрно запрещеннаго почитать захочется, таперича всюду прокламаціи разложены, поневолѣ соблазнъ беретъ.

Зубатовъ (начинаетъ внутренно закипать). На хотѣніе есть терпѣніе, мой милый! читать вамъ незачѣмъ: городовые и лучшіе дворники будутъ по воскресеньямъ читать вамъ назидательное, молитвенное, благолѣпное, успокаивающее мятежность. Въ случаѣ безукоризненнаго поведенія, вамъ будутъ на

домъ выдаваться брошюрки Исаакіевскаго собора о „чудесахъ благости божіей“, „о любви къ властямъ придержащимъ“. Если же намъ покажется полезнымъ, то я самъ проштудирую съ вами и запрещенное, но съ умѣніемъ, выдержкой, одно слово можно съ одной страницы исхитить, другое съ другой, затѣмъ смѣшать. . . Человѣкъ, сильно преданный, при отсутствіи литературныхъ предразсудковъ, можетъ самодержавную мораль даже изъ запрещеннаго извлечь. Покойный, незабвенный Михаилъ Катковъ умѣлъ у самихъ анархистовъ все нужное противъ русскаго парламента розыскивать. Но прибавлю, что требую, чтобы вы носомъ въ такія статьи сами не залѣзали, иначе всѣ данныя льготы, тотчасъ же отберутся, носъ немедленно на бокъ свихнется, и подъ рубашку горяченькіе влетятъ.

Рабочій. Ну, а если, ваше преподобіе, сумленья начнутъ находить: захочется въ свою низкую, холопскую, постылую жизнь вникнуть?? Намедни студентъ поймалъ насъ и говоритъ: „въ другихъ странахъ давнымъ давно стали понемногу о рабочихъ заботиться, не изъ страха, и при этомъ имъ читать все

позволено, судить, рядить о правительствѣ, о своихъ дѣлахъ, словомъ, свободно говорить не только по домамъ, но и въ обширныхъ собраньяхъ; тамъ народъ и рабочіе черезъ своихъ выборныхъ правятъ, а на счетъ дранья кнутами, нагайками, розгами, даже подумать нельзя. Такое каторжное, подлое правительство, какъ скорпіона, огнемъ бы обложили, сѣрной кислотой вытравили бы".

Зубатовъ (кипѣніе возрастаетъ). А вы, вмѣсто того, чтобы прелюбодѣйныя утопіи слушать, взяли бы да и скрутили крамольнику локотки назадъ, да преданныхъ царю-батюшкѣ дворниковъ кликнули, а я бы вамъ тогда за истинныя русскія чувства по гривеннику на человѣка выдалъ. Если сумленіе найдетъ, молитву къ божіей матери троеручицѣ, нашей третье-отдѣленской матушкѣ вознесите, душевнымъ окомъ на кутузку воззрите, августѣйшій домъ весь въ памяти переберите, и все тотчасъ же угомонится, ангельскій миръ на душу снизойдетъ; нѣсколько рюмокъ водки, потихоньку выпитыя, тоже вреда въ этомъ случаѣ не сдѣлаютъ. Помните, что „уши выше лба не растутъ",

что „яйца курицу не учатъ“, „овому одинъ, овому два, а овому ничего!“ На самой тверди небесной звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ, и на самихъ генералахъ не всѣ звѣзды одинаковы!

Рабочій. Ну, а если, ваше степенство, вдругъ захочется при всѣхъ что ни на есть слободную рѣчь хватить и высшему и низшему начальству косточки въ горяченькомъ разсолѣ перемыть?

Зубатовъ (хочетъ пустить въ ходъ длани, но пересиливаетъ себя, шипящимъ голосомъ). Разъ ты надѣешься, не говорю въ близкомъ, но вообще въ будущемъ, жрать пирогъ, съ кислою капустою, а можетъ и съ грибами, то языкъ держи за зубами. Помни мудрую, вполнѣ русскую пословицу: „языкъ мой — врагъ мой“. Помни также, что по нынѣшнимъ временамъ языкъ не до Кіева, но до острова Сахалина очень быстро доводитъ.

Рабочій. Какъ же таперича понять? — Изъ всего выходитъ, что мы до скончанія дней должны безсловесными телятами, нера-

зумными малолѣтками, подлыми рабишками оставаться? — Зачѣмъ же тогда Господь Богъ намъ живую душу, разумъ, чувствіи далъ? — Слѣдовательно мы подъ участковой плеточкой всю жизнь ходить должны, и насъ отъ всего обчетенскаго и политическаго будутъ нагаечкой оберегать! Если такъ, то лучше ножъ въ руки взять, да въ первой бунтовской свалкѣ на улицѣ помереть. Извините, ваше превосходительство, это я отъ отчаянности высказалъ.

З у б а т о в ъ (скрежещетъ, но все еще преодолѣваетъ чувства). Всякому, братецъ дорогой, свое! Если даже дворянамъ и высокопоставленнымъ лицамъ не позволяютъ читать свободныя книжки и писать по душѣ, и отъ нихъ, какъ отъ младенцевъ, начальство все скрывать священною обязанностью считаетъ, то какъ же ты, простой мужичекъ, кацапъ, чушечка полосатая, дерзаешь о чтеньи вольныхъ книгъ думать, осмѣливаешься о свободной рѣчи мечтать?! По одежкѣ протягивай ножки! У насъ всѣмъ свобода дана втиши ночной про себя думать. Какой-же вамъ еще свободы хочется? Графъ Левъ Толстой, отъ

церкви праведно отлученный, всему міру извѣстенъ, геніемъ считается, ему за семдесять лѣтъ стукнуло, и то онъ читаетъ только книжечки ихъ превосходительствами Плеве, Побѣдоносцевымъ и Муравьевымъ дозволенныя, и объ его головкѣ они пекутся, его, старичка, отъ лжепрельстительныхъ идей охраняютъ. Для всего жандармскіе и полицейскіе служители есть, они и безъ вашихъ преступныхъ указаній все зрятъ и ото всего спасаютъ. Знаменитый своею административною мудростью, министръ Плеве, прямо на весь свѣтъ заявилъ, что при истинной полиціи всѣ революціи по всему земному шару прекратятся навсегда, что онъ въ Россіи такую полицію соорудитъ, что она въ три мѣсяца всей русской революціи локотки назадъ завяжетъ и въ участокъ на жительство доставитъ, и затѣмъ, самодержавію конца не будетъ.

Рабочій. Неужели же, ваше степенство, не смотря на охранительство и неусыпныя заботы ваши, съ насъ, въ случаѣ мало мальски политической провинности, при всѣхъ будутъ портки стаскивать и лозою подчивать?

Зубатовъ. Если будете по всѣмъ правиламъ чижовки вести себя, то посторонніе люди будутъ стараться, какъ можно рѣже съ васъ портки стаскивать.

Рабочій. Извините, ваше преподобіе, ну, а если я увполнѣ невиненъ, то будутъ ли, примѣрно, бутари и прочіе начальники, мимо проходя, для одного блезира мнѣ шею накалачивать и по мордѣ бить?

Зубатовъ (свиститъ, какъ змѣя, еле, еле выноситъ). Вполнѣ не виннаго бить каждый день зря не станутъ, но если и вполнѣ невинному, ввидѣ предупрежденья, въ загривокъ или въ скулы влетитъ, то къ этому съ теплой благодарностью отнестись нужно, ибо сіе отъ любви и вѣчной заботливости происходитъ; самаго господа бога, неповиннаго искупителя рода человѣческаго, Іисуса Христа, Іерусалимскій полицмейстеръ розочками вспрыснулъ, и будочникъ изъ собственныхъ рукъ по щекамъ билъ.

Рабочій. Извините, ваше высокородіе! Вотъ таперича по фабрикамъ, да по деревнямъ, черезъ прокламаціи, стали всюду балакать: „Царь де нашъ плюгавеньскій, жиру

свиного отъ папеньки не унаслѣдовалъ, недоумочекъ; волей — какъ тряпочка затрёпанная, головка, съ темечкомъ незаросшимъ, морковкою; самый обыкновенный, что ни на есть человѣчикъ, кикимора простая, анъ глядишь, онъ, съ фамиліей императорской, половиной всей россійской земли владѣетъ; десятки милліоновъ чистымъ золотомъ получаетъ, сотни милліоновъ въ заграничныхъ банкахъ на черный день прячетъ; десятками дворцовъ распоряжается, и за все это, безъ удержу, надъ всей Россіей — матушкой самоуправствуетъ; зря грабитъ, вѣшаетъ, мучитъ, заточаетъ, поритъ, бьётъ; истязателямъ нашимъ кресты и благодарности посылаетъ, словомъ все, что ему искаріоты окружающіе — министры прикажутъ, все безпрекословно, на гибель намъ, исполняетъ, и кромѣ этого, мы передъ нимъ до скончанья дней должны на животѣ ползать, ежечасно преданность безпредѣльную обнаруживать; ура ему кричать, нагайки и кнуты его благославлять, розги слезами благодарности размачивать". Но не про него одного, нелестно тоже о помѣщикахъ, купцахъ, попахъ отзываются; а жандармскихъ,

полицейскихъ служителей, казаковъ смертельно ненавидятъ; какъ завидятъ, какъ они на безоружныхъ, съ мордами звѣриными, пьяные, съ саблями наголо, съ нагайками, палками, во весь духъ несутся, кровью словно клопы налитые, всѣ, въ одинъ голосъ, кричатъ: „Проклятое царское собачьё на людей выпустили, доберемся мы до нихъ, небу станетъ жарко! Никого не пощадимъ, всѣхъ казней египетскихъ для нихъ мало!“

Зубатовъ (лопается отъ злости, какъ бомба, даетъ сигналъ переодѣтымъ шпіонамъ и рычитъ). Вяжите его, курицинаго сына! Ишъ каторжникъ: вначалѣ невѣжественнаго, простоватаго мужичка разыгрывалъ, но подъ конецъ не выдержалъ и настоящимъ своимъ языкомъ заговорилъ, ловко притворился! Какъ мы его просмотрѣли? — Бейте его нещадно! Я ему въ участкѣ мясо съ костей спущу, а скелетъ на висѣлицу предоставлю; жилы тянуть будемъ! (Совсѣмъ разнуздавшись, обращается къ собранью.) А вы, мерзавцы, анархисты проклятые, чего его цѣлый часъ слушали и, при первомъ словѣ, ротъ ему до затылка не разодрали? Отчего не донесли,

что межъ васъ пропагандистъ здравствуетъ?! Вонъ всѣ подлецы! Подождите, какъ только поусмиримъ крамолу, мы вамъ все вспомнимъ! Всѣ ассоціаціи, да кассы мы вамъ въ зады впишимъ! Въ ззуббы ихъ! Я, Зубатовъ, вамъ повелѣваю, въ мою голову! въ мою!!!

П. Алисовъ.

